

СПОСОБНА ЛИ СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОХРАНИТЬ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ?

Начать следует с определения, кто такие эти интеллигенты, кто эти демиурги, генерирующие культурную жизнь страны и даже определяющие, как говорят, национальную идею. «Люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры». Это был словарь Ожегова. «Понятию интеллигенция придают нередко и моральный смысл, считая ее воплощением высокой нравственности и демократизма», – добавляет к этому Советская энциклопедия. Однако, встречаясь с современными реалиями, эти определения сталкиваются с рядом противоречий. Все зависит от того, каких конкретно людей мы представляем себе интеллигентами. Рассмотрим ту группу граждан, о которой мы привыкли думать, что они являются творцами культуры двадцать первого века. Первым делом приходит на ум, что сухое описание Ожегова и наивный энциклопедический пассаж взаимно исключают друг друга: ты либо умный, либо нравственный – это кажется жутко недалеккой позицией, но разве не дискредитировал себя разум за последние сто лет так, что все больше людей начинают подражать Диогену Синопскому; правда, только во внешних проявлениях, но это тема для отдельного эссе. Впрочем, это только первое впечатление. Набравшись оптимизма, можно с уверенностью на девяносто девять процентов сказать, что да, среди нас незримо обитают индивиды и нравственные, и неглупые. Проблема в том, что эти люди существуют именно *незримо*. Средства массовой информации развращают не в такой степени тех, кто ее потребляет, сколько тех, кто ее производит. Интернет, по идее, должен предоставлять таким людям широкое поле для деятельности, но всемирная сеть имеет очень интересное свойство опошлять все, к чему бы она ни притрагивалась; причина этого, как мне кажется, в переизбытке информации, в этой сфере разбегаются глаза и личность обесценивается под покровом виртуального новояза и всплывающих рекламных окон. Речь, конечно, идет о блогосфере. Кажалось бы, вот она – идеальная свобода слова, а на деле оказывается, что всеобъемлющая свобода слова душит свободу мысли, и не потому что мысль в этих дневниках отсутствует, просто свободных слов слишком много и они чересчур свободны. Обилие порождает

автоматическое потребление (автоматическое в смысле конвейерное), и каждая единица продукта, находящегося в изобилии, обесценивается. Да и глупо считать всемирную сеть областью, в которой можно сохранить национальную культуру, хотя бы по простой этимологии этого слова. Итак, если немножко вернуться назад, мы приняли идею о том, что интеллигентные люди в нашей стране существуют, но также, по моему мнению, неоспорим факт, что радиус их влияния несколько ограничен; их благотворная аура не в состоянии распространиться дальше определенного предела, ограничивающегося родственниками, друзьями, учениками. При попытке выйти за пределы этого круга аура (и это, на мой взгляд, очень важно) теряет свою благодать – вода держит свою цельность в кувшине, но, прорвав глиняные ограничения, разливается бесформенной массой. Отсюда возникает вопрос – возможно ли сохранить национальную культуру, имея сферу влияния, далекую от общенациональной? Но сначала нужно определить, кто же является носителем национальной культуры: все общество или достаточно будет избранного слоя, умственной элиты? Ответ на этот вопрос не может быть дан однозначно. В конечном итоге, все зависит от ваших убеждений, от того, что нам больше нравится: демократия или аристократия. У меня же нет определенной точки зрения на этот счет – с одной стороны, мне бы хотелось думать, что представители всех слоев общества имеют равнозначную цену для культурного процесса, но с другой стороны, я не могу не осознавать, что некоторая часть этого общества является явно анти-культурной. Мне бы хотелось оставить этот вопрос открытым до некоторого времени.

Отвлечемся теперь от дня сегодняшнего и проанализируем, чем была русская интеллигенция в те счастливые для нас времена, когда мы еще не ходили по этой земле. Пожалуй, главная определяющая черта интеллигенции прошлого в ее филистерском понимании – это ее комичность. Только представьте себе этих вечно недовольных, рассуждающих на отвлеченные темы, теоретизирующих все и вся начитанных снов. Трагедия их заключалась в том, что они не осознали – рассуждать о переменах и творить эти перемены – не одно и то же. Недаром наши лучшие умы всегда сторонились названия интеллигент: Антон Павлович, например, всегда обижался и говорил, что пусть лучше его называют интеллектуалом. Тема для размышлений: слово интеллигенция – русского происхождения, в остальном мире все – интеллектуалы. Может быть, мы все-таки особенные? Конечно же, нет. Даже не зная этимологического различия между интеллигентом и интеллектуалом, можно по-

чувствовать разницу между этими понятиями. Это сравнение будет не в пользу первых. Одной из определяющих черт русской интеллигенции является то, что для нее делом особой важности, делом чести было находиться в оппозиции к действующей власти. Отсюда можно задать вопрос: кто из них, государство или интеллигенция, работало на нужды народные? Как бы мы – ведь кто-то из нас является современным интеллигентом, унаследовавшим на генетическом уровне все пороки и достоинства своих предшественников – ни относились к государственному аппарату, нужно признать, что, в сравнении с мозговой элитой, он заботился о своем народе очень сильно. Мы привыкли думать, что государство далеко от народа, тем более, оно было далеко, скажем, в девятнадцатом веке, поэтому интеллигенция, по определению, оказывается еще дальше: выше или ниже, это пусть каждый решает за себя сам. Во многом из-за этого получилось так, что средний интеллигент относился к простому народу, который составлял и составляет абсолютное большинство народонаселения, снисходительно и свысока. Из этого закономерно следует невозможность понять не просто нужды своих соотечественников, но даже их дух, их образ мыслей. Вот и получались такие забавные казусы вроде «хождения в народ». Не знаю, кому первому пришла эта идея в голову, но это был истинный представитель русской интеллигенции, так как в этом движении, как в некоем обобщающем символе, проявляются все ее недостатки: «горе от неправильно приложенного ума», чрезмерная самонадеянность, трагическая непрактичность, в конце концов, презрение к тем, кто был ниже их по социальной иерархии. Ведь как же нужно принижать какого-то незнакомого крестьянина, чтобы без приглашения заявиться к нему, остаться с ним жить (им и так-то прилечь негде, барин) и считать себя вправе учить его уму разуму. На месте крестьянина мне бы такое не понравилось, и им не нравилось, некоторые из них сдавали полиции своих благодетелей. Теперь можно представить, как же все-таки обозлились все эти миссионеры на свою паству, когда их проповеди столкнулись со стеной невежества, непонимания. В их глазах народ, который, по их словам, они так любили, стал еще более тупым, темным и безнадежным. Это то же самое, как если бы кто-нибудь, забивая гвоздь, ударил себя молотком по пальцу и обиделся бы при этом на молоток. Если вы хотите узнать точно, являетесь ли вы русским интеллигентом в исконном понимании этого выражения, то припомните: обижались ли вы когда-нибудь на молоток, ударяя им по себе, считали ли вы его непроходимо глупым, безнадежным и необразованным?

Если да, то можете с гордостью, а лучше без нее, назвать себя представителем именно этой касты. Я, например, всегда обижаюсь, отчего мне вдруг стало тоскливо на душе. «Хождение в народ» – это безусловно апофеоз глупости русской интеллигенции. Все же, если выразить мое отношение к нашим интеллигентным предкам одним предложением, то оно будет следующим: они были не в состоянии делать историю. Это утверждение, в свою очередь, вводит нас в рассуждения третьего абзаца.

Суммируя предыдущие, несколько разрозненные рассуждения, и возвращаясь к поставленному вопросу – кто является носителем национальной культуры? – мне бы хотелось сказать, что русская культура мне представляется далекой и от государства и от интеллигенции. Я все же склоняюсь, что ее носителем является простой народ. Причем народ не в понимании интеллигенции (как мы убедились, она его никогда не понимала), а те люди, которых можно назвать национально-русскими. Этот слой сложно как-то определить, как сложно определить понятие русского характера, русской души, что я и не отважусь сделать. Могу только сказать, что таких людей и сейчас большинство, в каждом из нас есть что-то от «национально-русскости», в ком-то больше, в ком-то меньше. В конечном итоге, мне не хочется верить, что люди, считающие себя, грубо говоря, самыми умными, достойны того, чтобы нести знамя русской национальной культуры. Да, русскую душу определить сложно, но можно наверняка сказать, что спесь ей не свойственна. Мне бы хотелось поднять очень важный вопрос – стоит ли спасать русскую национальную культуру, есть ли в этом хоть какой-то смысл? И нуждается ли она в этом?

Зададим теперь вопрос: если объединение России зависит от сохранения русской культуры, если единственной силой, сохранявшей ее, была русская интеллигенция, то способна ли современная интеллигенция сохранить русскую культуру? Я берусь утверждать, что антецедент в корне неверен, из чего следует, что и консеквент не имеет смысла. Что можно поделаться, если не совмещается в русской душе активная деятельность с высоким уровнем умственного развития? Принимая во внимание фригидность нашей интеллигенции, можем ли мы утверждать, что она, т.е. интеллигенция, сохранила русскую национальную культуру? Добавим сюда еще и общеизвестный факт: представитель высшего сословия в России говорил по-французски лучше, чем по-русски. Имел ли этот человек хотя бы отношение к *русской национальной культуре*? Ответ, мне кажется, очевиден. Теперь ясно, существует ли эта культура. Безусловно. Тогда кто же сохранил ее для нас, неблагодарных?

Никто. Русская культура просто есть, это данность, и она сильнее всех безумных политиков вместе взятых. Неужели ее нужно кому-то сохранять, если мы живем в ней и каждый день сталкивается с ее проявлениями в самых различных местах, порой самых необычных? На мой взгляд, признак существования и мощи национальной культуры – не в ее артефактах и даже не в языке, он в мыслях ее носителей. Загляните себе в голову, а лучше в сердце, и вы поймете, что все мы русские, до боли русские люди. В нас засела наша национальная культура, и даже куча съеденных в макдоналдсе гамбургеров не вытравит ее оттуда. И мой призыв – все-таки быть проще и не уподобляться интеллигенции прошлого, ведь если ей не удалось уничтожить русскую национальную культуру, то и современной это вряд ли удастся.